Максим Горький

Дело с застёжками

Максим Алексеевич Горький
Дело с застёжками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170417
М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 139, 2 июля; номер 143, 7 июля, под заглавием: «История с застёжками (Картинка из быта босяков)».

Рассказ включался в «Очерки и рассказы», 1898, и во все последующие собрания сочинений М.Горького под заглавием «Дело с застёжками».

Написан в 1895 году. Во всех изданиях товарищества «Знание» рассказ датировался 1896 годом. Эта дата исправлена автором на 1895 год при подготовке издания собрания сочинений в 1923 году.

Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким для собрания сочинений в издании «Книга».

…Нас было трое приятелей – Сёмка Каргуза, я и Мишка, бородатый гигант с большими синими глазами, вечно ласково улыбавшимися всему и вечно опухшими от пьянства. Мы обитали в поле, за городом, в старом полуразрушенном здании, почему-то называвшемся «стеклянным заводом», – может быть, потому, что в его окнах не было ни одного целого стекла. Мы брали разные работы: чистили дворы, рыли канавы, погреба, помойные ямы, разбирали старые здания и заборы и однажды даже попробовали построить курятник. Но это нам не удалось – Сёмка, всегда относившийся педантически честно к взятым на себя обязанностям, усомнился в нашем знакомстве с архитектурой курятников и однажды в полдень, когда мы отдыхали, взял да и снёс в кабак выданные нам гвозди, две новые доски и топор работодателя. За это нас прогнали с работы; но так как взять с нас было нечего – к нам не предъявили никаких претензий. Мы перебивались «с хлеба на воду», и все трое ощущали вполне естественное и законное в таком положении недовольство нашей судьбой.

Иногда оно принимало острую форму, вызывавшую в нас враждебное чувство ко всему окружающему и увлекавшее на подвиги довольно буйственные и предусмотренные «Уложением о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»; но вообще мы были меланхолично тупы, озабочены приисканием заработка и крайне слабо реагировали на все те впечатления бытия, от которых нельзя было чем-либо поживиться.

Мы все трое встретились в ночлежном доме недели за две

до факта, о котором я хочу рассказать, считая его интересным.

Через два-три дня мы были уже друзьями, ходили всюду вместе, поверяли друг другу свои намерения и желания, делили поровну всё, что перепадало кому-либо одному из нас, и вообще заключили между собой безмолвный оборонительный и наступательный союз против жизни, обращавшейся с нами крайне враждебно.

Мы весьма усердно отыскивали в течение дня возможность что ни то разобрать, распилить, выкопать, перетаскать, и если таковая возможность представлялась, то сначала довольно ревностно принимались за работу.

Но потому, должно быть, что в душе каждый из нас считал себя предназначенным для выполнения более высших функций, чем, например, копание помойных ям или чистка их, – что ещё хуже, прибавлю для непосвящённых в это дело, – часа через два работы нам она переставала нравиться. Потом Сёмка начинал сомневаться в её надобности для жизни.

– Копают яму… А для чего? Для помоев. А просто бы так лить на двор? Нельзя, вишь. Пахнуть, дескать, будет. Ишь ты! Помои будут пахнуть! Скажут тоже у безделья-то.

Выброси, например, огурец солёный – чем он будет пахнуть, коли он маленький? Полежит день – и нет его… сгнил. Это вот ежели человека мёртвого выбросить на солнце, он, действительно, попахнет, потому – гадина крупная.

Такие Сёмкины сентенции сильно охлаждали наш трудо-

вой пыл… И это было довольно выгодно для нас, если работа была взята подённо, но при сдельной работе всегда выходило так, что плата за неё забиралась и проедалась нами ранее, чем работа была доведена до конца. Тогда мы шли к хозяину просить «прибавки»; он же в большинстве случаев гнал нас вон и грозил с помощью полиции заставить нас докончить труд, уже оплаченный им. Мы возражали, что голодные мы не можем работать, и более или менее возбуждённо настаивали на прибавке, чего в большинстве случаев и достигали.

Конечно, это было непорядочно, но, право же, это было очень выгодно, и мы – ни при чём, если в жизни устроено так неловко, что порядочность поступка всегда почти стоит против выгодности его.

Пререкания с работодателями всегда брал на себя Сёмка и, поистине, артистически ловко вёл их, излагая доказательства своей правоты тоном человека, измученного работой и изнывающего под тяжестью её…

А Мишка смотрел, молчал и хлопал своими голубыми глазами, то и дело улыбаясь доброй, умиротворяющей улыбкой, как бы пытаясь сказать что-то и не находя в себе решимости. Он говорил вообще очень мало и только в пьяном виде бывал способен сказать нечто вроде спича.

– Братцы мои! – восклицал он тогда, улыбаясь, и при этом его губы странно вздрагивали, в горле першило, и он несколько времени после начала речи кашлял, прижимая горло рукой…

– Н-ну? – нетерпеливо поощрял его Семка.

– Братцы вы мои! Живём мы, как собаки… И даже не в пример хуже… А за что? Неизвестно. Но, надо полагать, по воле господа бога. Всё делается по его воле… а, братцы? Ну, вот… Значит, мы достойны собачьего положения, потому что люди мы плохие. Плохие мы люди, а? Ну, вот… Я и говорю теперь: так нам, псам, и надо.

Верно я говорю? Выходит – это нам по делам нашим. Значит, должны мы терпеть нашу судьбу… а? Верно?

– Дурак! – равнодушно отвечал Сёмка на тревожные и пытливые вопросы товарища.

А тот виновато ёжился, робко улыбался и молчал, моргая слипавшимися от опьянения глазами.

Однажды нам «пофартило».

Мы, ожидая спроса на наши руки, толкались по базару и наткнулись на маленькую, сухую старушку с лицом сморщенным и строгим. Голова у неё тряслась и на совином носе попрыгивали большие очки в тяжёлой серебряной оправе; она их постоянно поправляла, сверкая маленькими, сухо блестевшими глазками.

– Вы что – свободны? Работы ищете? – спросила она нас, когда мы все трое с вожделением уставились на неё.

– Хорошо, – сказала она, получив от Сёмки почтительный и утвердительный ответ.

– Вот мне надо разломать старую баню и вычистить колодец… Сколько бы вы взяли за это?

– Надо посмотреть, барыня, какая такая будет у них, у баньки вашей, величина, – вежливо и резонно сказал Сёмка. – И опять же колодец… Разные они бывают. Иногда очень глубокие…

Нас пригласили посмотреть, и через час мы, уже вооружённые топорами и дреколием, лихо раскачивали стропила бани, взявшись разрушить её и вычистить колодец за пять рублей. Баня помещалась в углу старого запущенного сада. Невдалеке от неё в кустах вишни стояла беседка, и с потолка бани мы видели, что старушка сидит в беседке на скамье и, держа на коленях большую развёрнутую книгу, внимательно читает её… Иногда она бросала в нашу сторону внимательный и острый взгляд, книга на её коленях шевелилась, и на солнце блестели её массивные, очевидно, серебряные застёжки…

Нет работы спорее, чем работа разрушения…

Мы усердно возились в клубах сухой и едкой пыли, поминутно чихая, кашляя, сморкаясь и протирая глаза; баня трещала и рассыпалась, старая, как её хозяйка…

– Ну-ка, наляжь, братцы, дружно-о! – командовал Сёмка, и венец за венцом, кряхтя, падал на землю.

– Какая бы это у неё книга? Толстенная такая, – задумчиво спросил Мишка, опираясь на стяг и отирая ладонью пот с лица. Мгновенно превратившись в мулата, он поплевал на руки, размахнулся стягом, желая всадить его в щель между бревнами, всадил и добавил так же задумчиво: – Ежели еван-

гилье – больно толсто будто…

– А тебе что? – полюбопытствовал Сёмка.

– Мне-то? Ничего… Люблю я послушать книгу… священную ежели… У нас в деревне был солдат Африкан, так тот, бывало, как начнет псалтырь честь… ровно барабан бьёт… Ловко читал!

– Ну, так что ж? – снова спросил Сёмка, свёртывая папироску.

– Ничего… Хорошо больно… Хоть оно непонятно… а всё-таки слово этакое… на улице ты его не услышишь… Непонятно оно, а чувствуешь, что это слово для души.

– Непонятно – ты говоришь… а всё-таки видно, что глуп ты, как пень лесной…

– передразнил Сёмка товарища.

– Известно… ты всегда ругаешься!.. – вздохнул тот.

– А с дураками как говорить? Разве они могут что понимать? Валяй-ка вот эту гнилушину… о-о!

Баня рассыпалась, окружаясь обломками и утопая в тучах пыли, от которой листья ближайших деревьев уже посерели. Июльское солнце не щадило наших спин и плеч, распаривая их…

– А книга-то в серебре, – снова заговорил Мишка.

Сёмка поднял голову и пристально посмотрел в сторону беседки.

– Похоже, – кратко изрек он.

– Значит, евангилье…

– Ну, и евангилье… Так что?

– Ничего…

– Этого добра у меня полны карманы. А ты бы, коли священное писание любишь, пошёл бы да и сказал ей: почитайте, мол, мне, бабушка. Нам, мол, этого взять неоткуда…

В церкви мы, по неприличности и грязноте нашей, не ходим… а душа, мол, у нас тоже… как следует… на своём месте… Подь-ка, ступай!

– А и впрямь… пойду?

– И пойди…

Мишка бросил стяг, одёрнул рубаху, размазал её рукавом пыль по роже и спрыгнул с бани вниз.

– Турнёт она тебя, лешмана… – проворчал Сёмка, скептически улыбаясь, но с крайним любопытством провожая фигуру товарища, пробиравшегося среди лопухов к беседке. Он, высокий, согнувшийся, с обнажёнными грязными руками, грузно раскачиваясь на ходу и задевая за кусты, тяжело двигался вперёд и улыбался смущённо и кротко.

Старушка подняла голову навстречу подходившему босяку и спокойно мерила его глазами.

На стёклах её очков и на их серебряной оправе играли лучи солнца.

Она не «турнула» его, вопреки предположению Сёмки. Нам не слышно было за шумом листвы, о чём говорил Мишка с хозяйкой; но вот мы видим, что он грузно опускается на землю к ногам старухи и так, что его нос почти касается рас-

крытой книги. Его лицо степенно и спокойно; он – мы видим – дует в свою бороду, стараясь согнать с неё пыль, возится и наконец усаживается в неуклюжей позе, вытянув шею вперёд и выжидающе рассматривая сухие маленькие руки старушки, методично перевёртывающие листы книги…

– Ишь ты… лохматый пёс!.. Отдых себе сделал… Айда – и мы? Чего так-то?

Он там будет прохлаждаться, а мы – ломи за него. Айда?

Через две-три минуты мы с Сёмкой тоже сидели на земле по бокам нашего товарища.

Старушка ни слова не сказала встречу нам, она только посмотрела на нас пристально и снова начала перекидывать листы книги, ища в ней чего-то… Мы сидели в пышном зелёном кольце свежей пахучей листвы, над нами было раскинуто ласковое и мягкое безоблачное небо. Иногда пролетал ветерок, листья начинали шелестеть тем таинственным звуком, который всегда так смягчает душу, родит в ней тихое, умиротворяющее чувство и заставляет задумываться о чём-то неясном, но близком человеку, очищая его от внутренней грязи или, по меньшей мере, заставляя временно забывать о ней и дышать легко и ново…

– «Павел, раб Иисуса Христа…» – раздался голос старушки. Он старчески дребезжал и прерывался, но был полон благочестия и суровой важности. При первых звуках его Мишка истово перекрестился, Сёмка заёрзал по земле, выискивая более удобную позу. Старушка окинула его глазами, не

переставая читать.

– «Я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, то есть утешаться с вами верою общею, вашею и моею».

Сёмка, как истинный язычник, громко зевнул, его товарищ укоризненно вскинул на него синими глазами и низко опустил свою лохматую голову, всю в пыли…

Старушка, не переставая читать, тоже строго взглянула на Сёмку, и это его смутило. Он повел носом, скосил глаза и – должно быть, желая изгладить впечатление своего зевка – глубоко и благочестиво вздохнул.

Несколько минут прошли спокойно. Вразумительное и монотонное чтение действовало успокоительно.

– «Ибо открывается гнев божий с неба на всякое нечестие и…»

– Что тебе нужно? – вдруг крикнула чтица на Сёмку.

– А… а ничего! Вы извольте читать – я слушаю! – смиренно объяснил он.

– Зачем ты трогаешь застёжки своей грязной ручищей? – сердилась старушка.

– Любопытно… потому – работа очень уж тонкая. А я это понимаю – слесарное дело мне известно… Вот я и пощупал.

– Слушай! – сухо приказала старушка. – Скажи мне, о чем я тебе читала?

– Это – извольте. Я ведь понимаю…

– Ну, говори…

– Проповедь… стало быть, поучение насчёт веры, а также и нечестия… Очень просто и… всё верно! Так за душу и щиплет!

Старушка печально потрясла головой и оглядела всех нас с укором.

– Погибшие… Камни вы… Ступайте работать!

– Она тово… рассердилась будто бы? – виновато улыбаясь, заявил Мишка.

А Сёмка почесался, зевнул и, посмотрев вслед хозяйке, не оборачиваясь удалявшейся по узкой дорожке сада, раздумчиво произнёс:

– А застёжки-то у книжицы серебряные…

И он улыбнулся во всю рожу, как бы предвкушая что-то.

Переночевав в саду около развалин бани, уже совершенно разрушенной нами за день, к полудню другого дня мы вычистили колодец, вымочились в воде, выпачкались в грязи и, в ожидании расчёта, сидели на дворе у крыльца, разговаривая друг с другом и рисуя себе сытный обед и ужин в близком будущем; заглядывать же в более отдалённое – никто из нас не имел охоты…

– Ну, какого чёрта старая ведьма не идёт ещё, – нетерпеливо, но вполголоса возмущался Сёмка. – Подохла, что ли?

– Эк он ругается! – укоризненно покачал головой Мишка. – И чего, например, ругается? Старушка – настоящая, божья. И он её ругает. Этакий характер у человека…

– Рассудил… – усмехнулся его товарищ. – Пугало… ого-

родное…

Приятная беседа друзей была прервана появлением хозяйки. Она подошла к нам и, протягивая руку с деньгами, презрительно сказала:

– Получите и… убирайтесь. Хотела я вам отдать баню распилить на дрова, да вы не стоите этого.

Не удостоенные чести распилить баню, в чём, впрочем, мы и не нуждались теперь, мы молча взяли деньги и пошли.

– Ах ты, старая кикимора! – начал Сёмка, чуть только мы вышли за ворота.

– На-ко-ся! Не стоим! Жаба дохлая! Ну-ка, вот скрипи теперь над своей книгой…

Сунув руку в карман, он выдернул из него две блестящие металлические штучки и, торжествуя, показал их нам.

Мишка остановился, любопытно вытягивая голову вперёд и вверх к поднятой руке Сёмки.

– Застёжки отломал? – спросил он удивлённо.

– Они самые… Серебряные!.. Кому не надо – рубль даст.

– Ах ты! Когда это ты? Спрячь… от греха…

– И спрячу…

Мы молча пошли дальше по улице.

– Ловко… – задумчиво говорил Мишка сам себе. – Взял да и отломил… Н-да…

А книга-то хорошая… Старуха… обидится, чай, на нас…

– Нет… что ты! Вот она нас позовёт назад да на чай даст… – трунил Сёмка.

– А сколько ты за них хошь?

– Последняя цена – девять гривен. Ни гроша не уступлю… себе дороже…

Видишь – ноготь сломал!

– Продай мне… – робко попросил Мишка.

– Тебе? Ты что – запонки хочешь завести себе?.. Купи, хаарошие запонки выйдут… как раз к твоей харе.

– Нет, право, продай! – и Мишка понизил тон просьбы…

– Купи, говорю… Сколько дашь?

– Бери… сколько там есть на мою долю?

– Рубль двадцать…

– А тебе сколь за них?..

– Рубль!

– Чай, уступи… для друга!..

– Дура нетрёпанная! На кой те их дьявол?

– Да ты уж продавай знай…

Наконец торг был заключён, и застёжки перешли за девяносто копеек в руки Мишки.

Он остановился и стал вертеть их в руках, наклонив кудластую голову и наморщив брови и пристально рассматривая два кусочка серебра.

– Нацепи их на нос себе… – посоветовал ему Сёмка.

– Зачем? – серьёзно возразил Мишка. – Не надо. Я их старушке стащу. Вот, мол, мы, старушка, нечаянно захватили эти штуковины, так ты их… опять пристрой к месту… к книге этой самой… Только вот ты их с мясом выдрал… это как

теперь?

– Да ты, чёрт, взаправду понесёшь? – разинул рот Сёмка.

– А как?.. Видишь ты, такая книга… нужно, чтоб она в полной целости была… ломать от неё куски разные не годится… И старушка тоже… обидится… А ей умирать надо… Вот я и того… Вы меня, братцы, подождите с минутку… а я побегу назад…

И раньше, чем мы успели удержать его, он крупными шагами исчез за поворотом улицы…

– Ну и мокрица-человек! Жиделяга грязная! – возмутился Сёмка, поняв суть факта и его возможные последствия.

И, отчаянно ругаясь через два слова в третье, он начал убеждать меня:

– Айда, скорей! Провалит он нас… Теперь сидит, чай, поди, руки у него назад… А старая карга уж и за будочником послала!.. Вот те и водись с этаким пакостником! Да он ни за сизо пёрышко в тюрьму тебя вопрёт! Нет, каков мерзавец-человек?!

Какая, подлой души, тварь с товарищем так поступить может?! Ах ты, господи! Ну и люди стали! Айда, чёрт, чего ты растяпился! Ждёшь? Жди, чёрт вас всех, мошенников, возьми! Тьфу, анафемы! Не идёшь? Ну так…

Посулив мне нечто невероятно скверное, Сёмка ожесточённо ткнул меня кулаком в бок и быстро пошёл прочь…

* * *

Мне хотелось знать, что делает Мишка с нашей бывшей хозяйкой, и я тихонько отправился к её дому. Мне не думалось, что я подвергаюсь какой-либо опасности или неприятности.

И я не ошибся.

Подойдя к дому и приложившись глазом к щели в заборе, я увидел и услышал только следующее: старуха сидела на ступеньках крыльца, держала в руках «выдранные с мясом» застёжки своей библии и через очки пытливо и строго смотрела в лицо Мишки, стоявшего ко мне задом…

Несмотря на строгий и сухой блеск её острых глаз, по углам губ у неё образовалась мягкая складка кожи; видно было, что старушка хочет скрыть добрую улыбку – улыбку прощения.

Из-за спины старухи смотрели какие-то три рожи: две женские, одна красная и повязанная пёстрым платком, другая простоволосая, с бельмом на левом глазу, а из-за её плеч высовывалась физиономия мужчины, клинообразная, в седых бачках и с вихром на лбу… Она то и дело странно подмаргивала обоими глазами, как бы говоря Мишке:

«Утекай, брат, скорей!»

Мишка мямлил, пытаясь объясниться:

– …Такая редкостная книга. Вы, говорит, все – скоты и

псы… собаки. Я и думаю… Господи – верно! Так надо говорить по правде… сволочи мы и окаянные люди… подлецы! И опять же, думаю: барыня – старушка, может, у ней и утеха одна, что вот книга – да и всё тут… Теперь застёжки… много ли за них дадут? А ежели при книге, то они – вещь! Я и помыслил… дай-ка, мол, я обрадую старушку божию, отнесу ей вещь назад… К тому же мы, слава те господи, заработали малу толику на пропитание. Счастливо оставаться! Я уж пойду.

– Погоди! – остановила его старуха. – Понял ты, что я вчера читала?..

– Я-то? Где мне понять! Слышу – это так… да и то – как слышу? Разве у нас уши для слова божия? Нам оно непонятно… Прощевайте…

– Та-ак! – протянула старуха. – Нет, ты погоди…

Мишка тоскливо вздохнул на весь двор и по-медвежьи затоптался на месте.

Его уже, очевидно, тяготило это объяснение…

– А хочешь ты, чтоб я ещё почитала тебе?

– Мм… товарищи ждут…

– Ты плюнь на них… Ты хороший малый… брось их.

– Хорошо… – тихо согласился Мишка.

– Бросишь? Да?

– Брошу…

– Ну, вот… умница!.. Совсем ты дитя… а борода вон какая… до пояса почти… Женат ты?..

– Вдовый… померла жена-то…

– А зачем ты пьёшь? Ведь ты пьяница?

– Пьяница… пью.

– Зачем?

– Пью-то? По глупости пью. Глуп, ну и пью. Конечно, ежели бы человеку ум… да рази бы он сам себя портил? – уныло говорил Мишка.

– Верно рассудил… Ну вот, ты и копи ум… накопи да и поправься… ходи в церковь… слушай божие слово… в нём вся мудрость.

– Оно, конечно… – почти простонал Мишка.

– А я ещё почитаю тебе… хочешь?..

– Извольте…

Старуха достала откуда-то из-за себя библию, порылась в ней, и двор огласился её дрожащим голосом:

– «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же!»

Мишка тряхнул головой и почесал себе левое плечо.

– «…Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда божия?»

– Барыня! – плачевно заговорил Мишка, – отпустите меня для бога… Я вдругорядь лучше приду послушаю… а теперь больно мне есть хочется… так те вот и пучит живот-от…

С вечера мы не емши…

Барыня сильно хлопнула книгой.

– Ступай! Иди! – отрывисто и резко прозвучало на дворе…

– Покорнейше благодарим!.. – И он чуть не бегом направился к воротам…

– Нераскаянные души… Звериные сердца, – шипело по двору вслед ему…

Через полчаса мы с ним сидели в трактире и пили чай с калачом.

– Как буравом она меня сверлила… – говорил Мишка, ласково улыбаясь мне своими милыми глазами. – Стою я и думаю… Ах ты, господи! И зачем только пошёл я! На муку пошёл… Где бы ей взять у меня эти застёжки, да и отпустить меня, – она разговор затеяла. Экий народ-чудак! С ними хочешь по совести поступать, а они своё гнут… Я по простоте души говорю ей: вот те, барыня, твои застёжки, не жалуйся на меня… а она говорит: нет, погоди, ты расскажи, зачем ты их мне принёс? И пошла жилы из меня тянуть… Я – даже взопрел от её разговору… право, ей-богу.

И он всё улыбался своей бесконечно кроткой улыбкой…

Сёмка, надутый, взъерошенный и угрюмый, серьёзно сказал ему:

– Умри ты лучше, пень милый! А то завтра тебя с такими твоими выкрутасами мухи али тараканы съедят…

– Ну уж! Ты скажешь слово. Дава-ко выпьемте по стакашку… за окончание дела!

И мы дружно выпили по стакашку за окончание этого курьёзного дела.